

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 11

7



Гость на Рождество

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Гость на Рождество

«Автор»

2026

Карадениз М.

Гость на Рождество / М. Карадениз — «Автор», 2026

Он вошёл в дом как случайный гость. Он оставил паспорт человека, который умер пять лет назад. Он исчез в метели, но его тень осталась. Игорь Шувалов живёт затворником в старой московской пятиэтажке. Его жизнь — рутина, одиночество и тишина. В канун Рождества в дверь звонит замёрзший незнакомец. Игорь впускает его, поит чаем, вызывает такси. Утром он находит в кармане своей куртки чужой паспорт. Адрес в нём — его собственный. Имя владельца — человек, который официально мёртв уже пять лет. Так начинается головоломка, в которой каждая улика ведёт в тупик, каждый свидетель исчезает, а прошлое оказывается страшнее, чем любое настоящее. Кто этот гость? Почему он выбрал именно Игоря? И что скрывается за дверью, которую Игорь никогда не открывал? «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гость на Рождество

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Снег падал не переставая уже третьи сутки. Город задыхался в белой вате, дома превратились в сугробы, машины — в холмы, а люди, если они вообще выходили на улицу в этот час, походили на сторбленные тени, пробирающиеся сквозь метель. Москва замерла. Марьино спало.

Было без пятнадцати одиннадцать.

Мужчина стоял у подъезда старой пятиэтажки на улице Перерва, дом 12, корпус 2. Тонкое пальто болталось на нём мешком — не по размеру, чужое, с чужого плеча. На голове ни шапки, на руках ни перчаток. Он был бледен так, что губы казались синими, но не дрожал. Стоял неподвижно, как столб, и смотрел на занесённую снегом дверь подъезда с табличкой «Домофон не работает».

В правой руке он сжимал пустую бутылку из-под водки. Зелёное стекло, дешёвая наклейка. Он повертел её перед глазами, изучая этикетку, будто видел впервые. Потом занёс руку и швырнул бутылку в сугроб. Она ушла в снег почти без звука — только глухой хруст, и всё. Снег быстро затянул след.

Мужчина шагнул к двери. Откинул голову, посмотрел на тёмное небо, с которого сыпалась белая крупа. На лицо упало несколько снежинок, он не смахнул. Просто стоял так несколько секунд, потом нажал на ручку. Дверь поддалась.

Внутри подъезда было темно и холодно. Лампочка на первом этаже перегорела, кто-то выкрутил её ещё летом — сэкономили на коммуналке. Лестница пахла сыростью, кошачьей мочой, дешёвым табаком и ещё чем-то кислым, что въелось в стены за десятилетия.

Он ступил на потрескавшийся кафель. Следы его ботинок — чёрные, мокрые — оставались на полу, медленно таяли. Он не торопился. Поднялся на несколько ступеней, остановился. На пальто — на груди, чуть левее центра — расплывалось тёмное пятно. Оно ещё не засохло, края были влажными, и от него, если принюхаться, пахло железом и солью.

Мужчина провёл пальцем по пятну, посмотрел на палец. Никакой реакции. Только глаза — на мгновение они стали пустыми, как у человека, который смотрит внутрь себя. Потом он моргнул, и пустота исчезла.

Он остановился у двери №7. Квартира на первом этаже. Дверь была старой, крашеной в грязно-бежевый цвет, с облупившейся краской. Над дверным косяком висел колокольчик — китайский, из сувенирного магазина, с красной лентой. Очевидно, его повесили на Новый год.

Мужчина протянул руку, нажал звонок. Изнутри донеслась короткая трель — механическая, дешёвая.

За дверью кто-то зашаркал. Щёлкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочку.

Игорь Шувалов выглянул в щель. Лицо осунувшееся, глаза красные, сонные. На нём была старая футболка в пятнах, спортивные штаны. Пахло перегаром и усталостью.

— Извините, — сказал мужчина в тонком пальто. Голос у него был хриплым, но спокойным, тёплым. — Я замёрз. Можно вызвать такси? Я уже полчаса стою, ни одна машина не едет.

Он улыбнулся. Улыбка была мягкой, даже немного виноватой, как у человека, которому неловко за своё вторжение. В глазах не было угрозы — только усталость, как у любого, кто провёл ночь на морозе.

Игорь помедлил. Посмотрел за спину мужчины — в пустой подъезд, на следы мокрых ботинок. Потом перевёл взгляд на него. Где-то внутри, на границе сознания, мелькнула мысль, слишком быстрая, чтобы её удержать: кто-то не ходит по морозу без шапки и перчаток, если есть выбор. Но мысль ускользнула, разбившись о лёгкое головокружение. Игорь снял цепочку.

— Заходи, — сказал он. Голос силовый, как у человека, который давно не разговаривал вслух. — Я чайник поставлю.

Мужчина переступил порог. На мгновение он остановился, оглядывая прихожую. Старый шкаф с отколотым углом, вешалка с двумя куртками, пара кроссовок у стенки. В углу — стопка газет, на верхней крупными буквами «НОВЫЙ ГОД — НОВАЯ ЖИЗНЬ?».

Игорь уже прошёл на кухню — слышно было, как он открыл кран, наполнил чайник, включил плиту.

Мужчина оглянулся. Взгляд его упал на дверь — на внутренний замок. Он провёл пальцем по краю замка, посмотрел на дверной косяк. И едва заметно, одними уголками губ, улыбнулся.

Потом достал из кармана пальто нож. Обычный кухонный нож — не специальный, не охотничий, самый обычный, с деревянной ручкой. На лезвии блеснула капля — тёмная, густая. Он повертел нож в руке, рассматривая. Потом посмотрел на кухню, откуда доносился шум воды.

Ничего.

Он убрал нож обратно.

Игорь вернулся с двумя кружками. Дымящийся чай. Дешёвый пакетик, который он заварил прямо в кружке. Одна кружка была белая, с трещиной, вторая — синяя, с отколотым краем. Он протянул синюю мужчине.

— Спасибо, — сказал тот. Взял кружку обеими руками, поднёс к лицу, вдохнул пар. — Хорошо. Я уже думал, что умру там.

Он улыбнулся снова. Игорь присел на табуретку, сторбился, обхватил кружку. Вид у него был такой, будто он не спал несколько суток. Под глазами тени, щетина, волосы всклокочены.

— Я вызову такси, — сказал Игорь. — Приложение есть. Но сейчас ночь, метель. Таксисты не ездят. Может, до утра.

— Я подожду, — легко ответил мужчина. — Если не выгоняете.

— Не выгоню.

Они сидели в тишине. За окном шумела метель, стёкла были залеплены снегом так, что ничего не видно. На улице — только белая стена.

Мужчина пил чай маленькими глотками. Пальцы его, посиневшие от холода, начали постепенно розоветь. Он смотрел по сторонам — не нарочито, но внимательно. Кухня маленькая, заваленная посудой. В раковине — гора немытой. На столе — начатая бутылка водки, хлеб, пара банок тушёнки. Жизнь холостяка, которая давно перестала быть жизнью.

Взгляд мужчины зацепился за стену — там, в прихожей, между шкафом и дверью, висела фотография в простой деревянной рамке. На ней были три человека.

Игорь — моложе, без седины, без мешков под глазами. Женщина — высокая, светло-волосая, с улыбкой, в которой чувствовалась сила. И мальчик лет трёх-четырёх, сидящий на руках у отца, счастливый, с карамелькой во рту.

Мужчина смотрел на фотографию слишком долго. Потом его лицо изменилось.

Это было мгновение — не больше секунды. Но если бы Игорь смотрел на него в этот момент, он бы увидел, как исчезла мягкость. Как глаза стали холодными и пустыми. Как побелели костяшки пальцев на кружке — он сжимал её так, что она могла треснуть. Как уголки губ дёрнулись вниз, в гримасе, которую невозможно было назвать ни болью, ни гневом — это было что-то более древнее, более тёмное.

Потом он моргнул — и лицо снова стало добрым, усталым, безобидным.

Игорь не заметил. Он смотрел в пол, невидяще, уйдя в себя. Отпил чай, поморщился — остыл. Поставил кружку на стол.

— Как вас зовут? — спросил он без особого интереса.

Мужчина перевёл взгляд с фотографии на него.

— Меня? — Он помедлил, будто припоминая. Потом улыбнулся. — Саша. Просто Саша.

— Хорошо, Саша. Я Игорь.

— Спасибо, что впустили, Игорь. Не каждый бы открыл.

Игорь хмыкнул, невесело.

— Дверь всё равно не закрывается. — Он кивнул в сторону прихожей. — Замок сломан. Сто лет так. Даже если бы я не открыл, ты бы вошёл.

Мужчина посмотрел в сторону прихожей.

— А я заметил, — тихо сказал он. — Входная дверь. Не закрывается, да? Опасно.

Игорь пожал плечами:

— Кому я тут нужен? Всё равно ничего нет. И ночью тихо. Только...

Он запнулся. Посмотрел в окно, на белую стену.

— Только в последнее время что-то странное. Кажется, кто-то ходит.

— Кто?

— Не знаю. Может, показалось.

Он сказал это без эмоций — устало, как человек, которому уже всё равно. Или как человек, который не верит собственным ощущениям.

Мужчина отставил кружку. Игорь налил ещё чаю — себе и ему.

— Я, наверное, всё-таки пойду, — сказал гость, хотя снаружи была метель и такси не было. — Я не хочу вам мешать. Спасибо за чай.

Он встал. Игорь поднялся следом, слегка пошатнувшись — выпитое давало о себе знать. Проводил гостя в прихожую.

Мужчина уже взялся за ручку двери, но остановился. Повернулся к Игорю, заглянул ему в глаза. Улыбнулся.

— С праздником вас, Игорь. С Рождеством.

— Спасибо, — ответил Игорь.

И дверь закрылась.

Мужчина стоял на лестнице. Снег засыпал окно подъезда, было почти темно. Он поднял воротник пальто — теперь, когда никто не видел, можно было позволить себе дрожать. Или хотя бы притвориться, что он мёрзнет.

Он посмотрел на свою руку — на пальцы, которые всё ещё сжимали нож в кармане.

Достал его. Провёл большим пальцем по лезвию. Кровь — уже чужая, уже остывшая — сошла на снег.

Он повертел нож. Потом убрал обратно.

И пошёл вниз, к выходу. Следы его ботинок — мокрые, тяжёлые — остались на кафеле. Завтра, если кто-то выйдет из квартиры, они будут видны. Но Игорь вряд ли выйдет. Он вообще редко выходит. Он сидит в своей норе, пьёт, смотрит в стену и ждёт, когда жизнь кончится.

Мужчина знал это. Он знал всё об Игоре.

Он вышел из подъезда. Метель ударила в лицо. Снег залепил глаза. Он не прикрылся, не отвернулся. Он стоял и смотрел вверх, в белое небо, которое было пустым и холодным, как его сердце.

И пошёл дальше.

Позади него, за стеной подъезда, в квартире номер семь на первом этаже, Игорь Шувалов сидел на табуретке, смотрел на остывший чай и пытался вспомнить, почему ему показалось, что он знает этого человека.

Вспомнить не получалось.

Он выпил ещё.

ЧАСТЬ 1. НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Глава 1

Проснулся он от боли.

Голова раскалывалась так, будто кто-то засунул внутрь черепа раскалённый гвоздь и ворочал им. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу, в горле саднило. Игорь лежал на диване в гостиной, не раздеваясь, в той же футболке, в которой был накануне. Свет горел — тусклая лампочка без абажура на потолке. Кто-то забыл её выключить.

Он сел, потирая виски. Глаза слезились. Комната кружилась, но он привык к этому — привык просыпаться с головной болью, привык искать ориентиры в расплывчатом пространстве, привык собирать себя по кускам. Запах перегара въелся в диван, в шторы, в его собственную кожу. Он знал этот запах. Он жил в нём уже три года.

На столике у дивана стояла пустая бутылка. Зелёное стекло, дешёвая наклейка. Он не помнил, когда начал её пить. Помнил только, что был кто-то. Чай. Разговор. Лицо, которое не запомнилось.

Игорь встал, пошатываясь. Ноги не слушались, мир качался. Он прошёл на кухню, налил воды из-под крана, выпил залпом. Поморщился. Вода пахла хлоркой и ржавчиной, но это было лучше, чем ничего. Он поставил стакан, опёрся руками о столешницу, пытаясь перевести дыхание. В ушах звенело. Где-то в груди — тупая, ноющая боль, которая не проходила уже несколько лет.

На столе лежала его куртка. Старая, потёртая, с оторванным подкладом. Он даже не помнил, как снимал её. Он провёл рукой по карманам куртки. В левом было пусто. В правом — какая-то твёрдая корочка.

Игорь вытащил её.

Это был паспорт. Чужой. Тёмно-бордовая обложка, серия и номер с золотым тиснением. Он открыл его дрожащей рукой, щурясь от яркого света, который бил из окна. Снег за стеклом отражал солнце, ослепляя, и Игорь прикрыл глаза ладонью.

Карасёв Антон Сергеевич.

Дата рождения: 14 марта 1988 года.

Место рождения: город Москва.

Прописка: Москва, улица Перерва, дом 12, корпус 2, квартира 7.

Игорь смотрел на адрес, не понимая. Это была его квартира. Его адрес. Он несколько раз перечитал строку, пытаясь найти ошибку, но ошибки не было. Буквы были чёткими, ровными, официальными. В графе «место жительства» значилась его собственная дверь.

Он вытряхнул паспорт на стол. Из него выпали ещё вещи: водительское удостоверение на то же имя, пара пластиковых карт — одна банковская, одна карта лояльности какого-то строительного магазина, маленький клочок бумаги, сложенный вчетверо.

Игорь развернул бумагу. Это был листок из школьной тетради в клетку, вырванный неровно. На нём был написан адрес — его собственный адрес. И номер телефона. Тоже его.

Он перевернул бумагу. На обратной стороне было что-то ещё — фотография. Полиграфия дешёвая, на обычной бумаге, с обрезанным краем. Снимок был перевернут лицом вниз. Игорь перевернул его.

На фотографии были он сам, Анастасия и Артём.

Они стояли на фоне какой-то зелёной стены — то ли в парке, то ли на даче. Игорь был моложе лет на семь, без седины, с нормальным цветом лица. Анастасия держала его за руку, улыбалась солнцу. Артём сидел у них на плечах, смеялся, карамелька во рту.

Игорь смотрел на фото и чувствовал, как в груди что-то обрывается. Запах старой бумаги смешивался с запахом пыли и перегара. Он не понимал, откуда оно взялось. Эту фотографию он не видел никогда. Или видел, но не помнил. Может быть, она была в старом альбоме, в коробке, которую он задвинул под диван и больше не открывал. Но в этой версии было что-то неправильное. Она была свежей. Не потёртой, не пожелтевшей. Бумага была плотной, цвета насыщенными.

Кто-то держал это фото в руках совсем недавно.

Игорь положил фотографию на стол, посмотрел на паспорт, посмотрел на адрес на листке. Потом перевёл взгляд на дверь прихожей. В прихожей было темно, пахло сыростью и старым деревом. Замок был сломан. Он знал это уже три года, с тех пор как мать умерла и он переехал в её квартиру. Замок давно не закрывался — язычок не входил в ответную часть, можно было просто нажать на ручку и войти. Он не чинил его. Ему было всё равно. Пусть входят. Чего у него тут красть? Пустые бутылки и старые фотографии?

Но сейчас он подошёл к двери и провёл пальцем по краю замка. Металл был холодным. И на нём, прямо на стальной пластине, он заметил свежую царапину. Блестящую, нетронутую ржавчиной. Её оставили недавно — может быть, несколько часов назад. Кто-то пробовал вставить в замок ключ. Или что-то другое.

Игорь опустил глаза на пол.

Следы. Мокрые следы. Отпечатки ботинок, которые уже почти высохли, но всё ещё были видны на старом линолеуме. От прихожей они вели в коридор, мимо кухни, мимо гостиной — и дальше, в спальню.

Игорь замер. Сердце забилося быстрее, но он не испугался — не сразу. Головная боль притупила эмоции, сделала его реакции вязкими. Он стоял и смотрел на следы, как на загадку, которую нужно решить. Кто-то был в его квартире. Прошёл по ней. Зачем? Что он искал?

Он вернулся на кухню, взял нож. Тот самый, старый, с чёрной рукояткой, которым он резал хлеб. Он не думал, что это оружие — просто инстинкт. В его руке не было ничего другого, кроме этого ножа. Игорь медленно пошёл по следам.

Они вели в спальню. Дверь была приоткрыта.

Он толкнул её плечом. Свет — лампа на тумбочке горела. Он не оставлял её включённой. На подушке — вмятина, как будто на ней кто-то лежал. Простыня сбита, одеяло сползло на пол.

Игорь зашёл внутрь. Сердце колотилось где-то в горле. Он провёл ножом перед собой, как будто это могло защитить его от невидимой угрозы. В спальне никого не было. Он проверил под кроватью. Пыль, старые коробки, ничего больше. Заглянул за шторы — пусто. За дверью в кладовку — пусто. В шкафу — пусто, только его вещи на плечиках.

Никого.

Но подушка была помята. И на ней — впадина, которую мог оставить только человек, лежащий на спине, на одном боку. Игорь приложил ладонь к тому месту. Ткань была тёплой. Кто-то лежал здесь совсем недавно, пока он спал в гостиной.

Он сел на край кровати, сжимая нож. Руки дрожали. Голова болела сильнее. Ему казалось, что воздух в комнате пахнет чем-то чужим — не его запахом, не запахом старой пыли и табака. Какой-то сладкий парфюм, мужской одеколон. Недорогой, агрессивный. Он втянул

носом воздух, пытаясь уловить его, и понял, что этот запах был ему знаком. Он уже чувствовал его раньше. Где-то. Недавно.

Игорь смотрел на помятую подушку. Он пытался вспомнить. Ночь. Он пил. Был кто-то. Чай. Он не помнил лица. Помнил только голос — спокойный, тёплый, мягкий. И чувство, что он должен что-то сделать, но не может. Что он уже всё пропустил.

Он потянулся к подушке. Взял её за край, поднял.

Под ней что-то было.

Ключ. Старый, ржавый железный ключ с тёмным отпечатком пальца на головке. Игорь поднял его, покрутил в руках. Он не узнавал его. Ключ был явно не от его двери — язык другой, бородка другая. Но на ключе была царапина. Свежая, острая, блестящая, как будто его с силой вставили в замочную скважину и провернули.

Игорь перевёл взгляд на входную дверь, видневшуюся из спальни через коридор. И увидел. На замке — новая царапина. Глубокая, отчётливая. Такая же, как на ключе.

Кто-то открывал его дверь этим ключом. Чужим ключом. Который лежал под его подушкой.

Игорь сидел на кровати, сжимая ржавый ключ в одной руке и нож — в другой. Головная боль пульсировала, в ушах звенело. Он переводил взгляд с ключа на дверь, с двери на следы на полу, со следов на паспорт, оставленный на кухне.

Антон Карасёв. Тот же адрес. Та же квартира.

Игорь медленно поднялся. Прошёл в прихожую, открыл почтовый ящик, который висел на стене у входа. Там лежали квитанции, рекламные листовки, какой-то долговой счёт. Он высыпал всё на пол. Среди бумаг нашёл квитанцию за квартиру. Свою. На своё имя — Шувалов Игорь Викторович.

Он открыл паспорт Антона ещё раз, сравнил адреса. Совпадали полностью — до корпуса, до квартиры.

Два человека. Один адрес. Один из них — он. Второй — мёртвый человек, который был в его квартире ночью. Или нет. Мёртвые люди не ходят, не пьют чай, не оставляют паспорта в карманах чужих курток и не лежат на подушках.

Но ключ был в его руке. Настоящий, железный, с отпечатком пальца, который, если сдать в экспертизу, может привести к чему угодно.

Игорь поднёс ключ к лицу. На головке, у основания, была выбита цифра. Он разглядел её с трудом — мелкая, стёртая. «7». Номер его квартиры.

Он стоял в прихожей, сжимая в руках чужой паспорт и чужой ключ, который открывал его дверь. Следы на полу вели в спальню — в ту самую комнату, в которой он никогда не спал, потому что не мог заставить себя войти туда после того, как Анастасия ушла и не вернулась.

Но кто-то спал там сегодня. Прямо у него под боком.

Игорь опустил руку. Нож выпал на пол, звякнул о линолеум. Он разжал пальцы, ключ упал следом. Голова раскалывалась. В горле пересохло. Он хотел пить, хотел выпить, хотел просто лечь и не вставать. Но он не мог.

На кухне, на столе, лежала фотография, на которой он был счастлив, и паспорт человека, который, по документам, жил в той же квартире. И чьи следы уходили в его спальню.

Игорь пошёл на кухню, взял бутылку — она была пуста. Он открыл холодильник, достал ещё одну. Открыл, глотнул. Водка обожгла горло, разлилась теплом по груди. Головная боль немного отступила. Он сел на табуретку, поставил бутылку перед собой, положил перед собой паспорт и фотографию.

Он смотрел на них и пытался вспомнить, как выглядит человек, которого он впустил ночью. Но в памяти остался только голос. И странное чувство, что он видел это лицо раньше. Гораздо раньше.

Игорь провёл пальцем по фотографии — по лицу Анастасии. Она улыбалась. Солнечно, легко, как будто у неё не было забот. Как будто она не боялась его. Как будто он никогда не поднимал на неё руку.

Но он не помнил этого. Или помнил, но не хотел.

Было что-то ещё. Смутное, тёмное, на границе сна и реальности. Он смотрел на паспорт, на имя «Антон Карасёв», и оно что-то задевало в глубине памяти. Но он не мог ухватить это.

Игорь взял телефон. Посмотрел на экран. Несколько пропущенных звонков — от Галины, от незнакомого номера. Сообщение: «Перезвони, срочно». Он не открыл его. Ему было страшно.

Он посмотрел на часы. На экране — канун Рождества. Уже 6 января. Когда-то это был его любимый праздник. Теперь он не помнил, когда в последний раз чувствовал что-то, кроме боли.

Игорь положил телефон на стол. Посмотрел на ключ, который лежал рядом с паспортом. Ржавый, старый, с цифрой «7» на головке.

Он взял ключ, подошёл к входной двери, вставил его в замок. Тот вошёл легко, без усилий, как будто был сделан для этого замка. Провернулся — раз, второй. Щёлкнул. Замок закрылся.

Игорь вытащил ключ, повертел в руках. Это был ключ от его собственной двери. И он не знал, кто его оставил под его подушкой.

Он не знал, кто был в его квартире. Он не знал, почему следы вели в спальню, где он не спал, где он боялся спать, где он не мог заставить себя находиться больше пяти минут.

Игорь закрыл дверь на ключ, вытащил его, положил в карман. Потом вернулся на кухню, взял бутылку и сделал ещё один глоток. Водка обжигала, но он даже не поморщился.

Он не знал, что делать. Но знал одно: кто бы ни был этот человек, он был здесь. И он оставил след.

Игорь посмотрел на паспорт. Открыл его на странице с пропиской. Адрес — его адрес. Он медленно закрыл паспорт. Потом взял фотографию — ту, где они втроём, счастливые, смеющиеся. Перевернул её.

На обороте было написано. Мелким, аккуратным почерком, который он узнал сразу.

«Ты не знаешь, что будет дальше».

Это был почерк Анастасии.

Игорь смотрел на эти слова, и в груди что-то ломалось. Он хотел закричать, но не мог. Только сидел, сжимая фото в руках, и чувствовал, как мир вокруг него трескается по швам.

На кухне, на столе, лежал паспорт мёртвого человека. В его кармане — ключ от его двери. На руке — запах чужого одеколона, который он принёс из спальни.

Игорь медленно поднялся. Пошёл в ванную, включил холодную воду. Ледяные струи ударили по лицу, перехватили дыхание, обожгли кожу. Он поморщился, но не отступил. Умылся, провёл ладонями по мокрому лицу, смывая остатки сна. Посмотрел в зеркало. На него смотрело лицо человека, который не знал себя. Глаза красные, опухшие, под ними тени, как у человека, который давно не спал и давно не жил.

Он чувствовал, что что-то ускользает. Какая-то часть его памяти, какой-то кусок головоломки, который он потерял и не может найти. Он знал, что это важно. Знал, что это — ключ ко всему.

Но он не мог вспомнить. Он стоял перед зеркалом, смотрел в свои собственные глаза, покрасневшие, опухшие, с кругами под ними. И знал, что вчера ночью в его квартире был кто-то чужой. И что он, Игорь, впустил его сам.

Но он не мог вспомнить лицо. И не мог понять, почему он не закрыл дверь.

Глава 2

Он выехал на Перерву в половине десятого утра. Метель стихла, но небо оставалось тяжёлым, серым, низким — казалось, снег лежит прямо на крышах, готовый обрушиться снова. Двор не чистили. Машина проваливалась в сугробы, колёса буксовали, но Игорю было всё равно. Он сидел за рулём в той же футболке, накинув сверху старую куртку, небритый, с красными глазами. Пахло от него перегаром и усталостью, и он сам это чувствовал — запах вьелся в одежду, в кожу, в каждую пору.

Он не спал. Всю ночь он провёл на кухне, глядя на паспорт и фотографию, которые лежали на столе. Иногда он вставал, подходил к двери, проверял замок — закрыт. Иногда выходил в прихожую и смотрел на следы, которые уже почти высохли, но всё ещё были видны на линолеуме — тёмные, расплывчатые отпечатки, оставленные чужими ботинками. Иногда он брал ключ в руку, крутил его, рассматривал царапину, пытаясь понять, как он оказался под подушкой.

Мысли путались. Голова болела. Он выпил ещё водки, потом перестал — понял, что в этом нет смысла. Что он должен что-то сделать. Что-то важное.

Паспорт Антона Карасёва лежал на переднем сиденье. Водительские права, банковские карты, клочок бумаги с адресом. И фотография, на которой он был счастлив. И текст на обороте, написанный рукой Анастасии.

Он въехал во двор, где значился адрес. Дом был старый, кирпичный, с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами на первом этаже. Двор был пустым — только две машины под снегом, детская площадка с ржавыми качелями и куча мусора у контейнеров. Ветер гнал позёмку по асфальту, она кружилась у ног, как будто город пытался замести следы.

Он нашёл нужный подъезд. Внутри было грязно, темно, пахло мочой и сыростью. Лампочка на первом этаже не горела — кто-то выкрутил её, оставив только голый патрон. Свет с улицы пробивался сквозь грязное окно, падал на стены длинными, дрожащими тенями. Квартира — на втором этаже, дверь была старой, обитой дерматином, с номером, нарисованным фломастером. Игорь поднялся по лестнице, ступени скрипели под ногами, и где-то наверху хлопнула дверь — кто-то вышел, но не остановился.

Он нажал звонок. Долго. Потом ещё раз.

За дверью послышались шаги — лёгкие, шаркающие. Женщина открыла не сразу. Сначала щёлкнула цепочка, потом замок, потом дверь приоткрылась на сантиметр — и из щели выглянул глаз. Бледно-голубой, с красными прожилками, уставший. Он смотрел на Игоря с подозрением, как смотрят на незваных гостей, которые приходят в неурочный час.

— Вам кого?

— Игорь Шувалов. — Он замялся, но продолжил. — Мне нужно поговорить об Антоне Карасёве.

Глаз моргнул. Женщина приоткрыла дверь чуть шире, и Игорь увидел её лицо. Лет сорок, может, чуть больше. Седые волосы, собранные в небрежный пучок, глубокие морщины вокруг рта, худоба. На ней был старый халат, на плечах — шаль. За спиной — тёмный коридор, из которого доносился запах лекарств и старого дерева. Запах болезни и одиночества.

— Кто вы? — спросила она, не открывая до конца.

— Я живу на Перерве, — сказал Игорь. — Антон был у меня вчера.

Женщина побледнела. Её лицо, и без того бледное, стало почти прозрачным. Глаза расширились, губы дрогнули. Она шагнула назад, захлопнула дверь — Игорь услышал, как щёлкнул замок, как зашуршала цепочка.

— Откройте, — сказал он, прижимаясь лицом к двери. — Пожалуйста. Я только хочу понять.

Тишина. Потом шёпот. За дверью — короткий, хриплый шёпот, и Игорь слышал его сквозь тонкую фанеру. Голос был испуганным, как у человека, который не верит, что говорит с живым.

— Антон? Это ты? — голос был испуганным, как у человека, который не верит, что говорит с живым.

Игорь замер. Сердце пропустило удар.

— Антон, ответь, — снова шёпот, настойчивый, почти истеричный. — Я знаю, что это ты. Ты же сказал, что не вернёшься. Ты обещал.

Игорь постучал в дверь кулаком. Глухо, настойчиво.

— Послушайте, я Игорь. Я не Антон. Откройте, мне нужна помощь.

В коридоре за дверью стало тихо. Потом снова шаги — удаляющиеся. Игорь слышал, как открылась и закрылась какая-то дверь внутри квартиры. Ещё одна. Потом тишина.

Он стоял перед закрытой дверью, сжимая в кармане паспорт. В груди стучало. Он хотел стучать снова, но понял, что бесполезно. Женщина ушла. Она боялась. Она думала, что он — Антон. Или она знала, что Антон жив, и боялась, что он вернулся.

Игорь спустился во двор. Снег начал падать снова — мелкий, колючий, как иголки. Ветер бросал его в лицо, забивался под воротник, охлаждал шею. Игорь подошёл к своей машине, обошёл её, чтобы открыть дверь.

И остановился.

Колесо — переднее, с водительской стороны — было спущено. Он нагнулся, посмотрел. Прокол. Глубокий, ровный, как будто кто-то вонзил нож прямо в резину. По краям — следы свежие, чёткие. Он коснулся рукой — воздух ещё выходил, шипел, остывал на морозе.

Игорь выпрямился, оглянулся. Двор был пуст. Только снег падал, засыпая его следы. Но на скамейке напротив, у подъезда, сидел человек. Мужчина. В чёрном капюшоне, натянутом до самых бровей. Лица не было видно — только тёмный силуэт, неподвижный, как памятник. Он сидел, смотрел прямо на Игоря. Не двигался. Не прятался.

Игорь сделал шаг к нему. Остановился. Сделал ещё. Человек в капюшоне не спеша поднялся. Он был высоким, худым, с длинными руками, которые свисали до колен — неестественно длинными, как у марионетки. Он не побежал, не ускорился. Просто встал и пошёл.

Игорь пошёл за ним. Сначала медленно, потом быстрее, потом почти бегом.

— Стой! — крикнул он, голос сорвался, стал хриплым. — Подожди! Я хочу поговорить!

Человек в капюшоне не обернулся. Прощёл через двор, нырнул в арку, скрылся за углом. Игорь добежал до арки, завернул за неё — и остановился.

Пусто. Никого. Только снег, падающий на пустой асфальт, и чьи-то старые следы, уже занесённые. Ветер завывал в арке, гнал позёмку, и Игорю показалось, что он слышит смех — тихий, приглушённый, но отчётливый. Или просто ветер.

Он стоял, тяжело дыша. Снег лез в глаза, в рот, в нос. Он вытер лицо рукавом, оглянулся. Ни души.

Игорь вернулся к машине. Колесо было проколото, записка — в кармане. Он сел в машину, завёл двигатель — запасное колесо лежало в багажнике, но менять его сейчас не было сил. Он просто сидел за рулём, смотрел на пустой двор, на скамейку, на которой только что сидел человек в капюшоне, и пытался дышать.

Он подошёл к боковому стеклу. И увидел записку. Маленький клочок бумаги, приклеенный скотчем к стеклу — прямо на уровне его глаз. Она висела там, наверное, с самого утра. Он сорвал её, развернул. Текст был написан печатными буквами, чёрной ручкой, размашисто и грубо.

«ТЫ УЖЕ ПОНЯЛ. НЕ ЛЕЗЬ».

Игорь сжал бумагу в кулаке. Снег падал на голову, залеплял волосы, таял на лице. Он стоял, не двигаясь, и смотрел на пустой двор, на заснеженную детскую площадку, на сугробы, в которых прятался мусор.

Записка жгла карман. Он достал её, развернул, прочитал снова. Чья рука? Антона? Кого-то из его людей? Женщины, которая захлопнула дверь? Или того человека, который сидел на скамейке?

Он уже понял что? Что Антон — не тот, за кого себя выдаёт? Что он был в его квартире? Что у него есть ключ? Что он жил или жив по тому же адресу?

Или что-то другое — то, что он не мог сформулировать, но чувствовал кожей. Что он влез в чужую историю и что кто-то не хочет, чтобы он в ней оставался.

Игорь посмотрел на подъезд. Дверь была старой, облупившейся, с табличкой «Домофон не работает». Над ней — козырёк, на котором висела сосулька. Он смотрел на эту дверь и чувствовал, что в ней есть что-то важное. Что-то, что он должен увидеть. Игорь вышел из машины, подошёл к подъезду, открыл дверь и зашёл внутрь. На лестнице — тишина. На втором этаже — та же дверь, обитая дерматином. Он подошёл к ней, приложил ухо. Тишина.

Игорь достал паспорт Антона, открыл его на странице с пропиской. Адрес — тот самый. Квартира 7. Такая же, как у него. Он стоял у двери, в которой жил или жив человек, чей паспорт лежал у него в кармане. И он знал: если он откроет дверь, то найдёт там что-то. Что-то, что объяснит всё.

Но он не мог открыть. У него не было ключа. Только его собственный — тот, ржавый, с цифрой «7». Игорь посмотрел на ключ в своей руке. Потом перевёл взгляд на замочную скважину. Он медленно вставил ключ в замок. Провернул.

Замок щёлкнул.

Он открыл дверь.

Глава 3

Квартира на втором этаже была пуста.

Игорь стоял на пороге, вглядываясь в полумрак коридора. Свет не горел, но сквозь грязные окна пробивался серый зимний день, и этого было достаточно, чтобы увидеть: в квартире никто не живёт. Пол был покрыт слоем пыли, на котором отчётливо виднелись следы — его собственные, только что оставленные. В углах висела паутина, серая, старая, как будто её не трогали годами. Воздух пах сыростью, плесенью и запустением. Запах был густым, осязаемым, он оседал на языке, как песок.

Он сделал шаг внутрь. Дверь за ним медленно прикрылась, скрипнув — звук был протяжным, металлическим, как стон старого дерева.

Комнаты были пусты. Ни мебели, ни вещей, ни следов жизни. Только голые стены, ободранные обои, да на подоконнике — пустая банка из-под краски, засохшая, с присохшей к дну кисточкой. Кто-то съехал отсюда давно. Может быть, годы назад. Игорь провёл пальцем по стене — слой пыли остался на подушечках, серый, сухой.

Он прошёл по коридору, заглянул в кухню. Пусто. В спальне — пусто. В ванной — голый кафель, ржавый кран, зеркало без рамы. На кафеле — тёмные пятна, въевшиеся в швы. Игорь остановился перед зеркалом. Оно было старым, с потёртой амальгамой по краям, и его собственное отражение выглядело размытым, как будто он смотрел на себя через мутную воду.

Ничего. Совсем ничего. Ни бумаг, ни фотографий, ни обрывков писем. Только пустота.

Он стоял посередине пустой квартиры, сжимая в руке ключ, который только что открыл её дверь. И чувствовал, как внутри нарастает липкое, тягучее чувство — что он что-то упускает. Что здесь было что-то важное, но кто-то убрал всё. Вычистил. Словно стирал следы. Пол был чистым, стены — пустыми, даже обои были содраны почти до бетона, как будто кто-то специально уничтожал все доказательства.

Он зашёл в гостиную. Единственная комната, где ещё оставалось что-то, кроме стен. В углу стоял старый стеллаж. Пустой. Но на одной из полок, на самом верху, лежал листок бумаги. Белый, сложенный вчетверо.

Игорь подошёл, взял его. Развернул.

Там был адрес. Его адрес. Улица Перерва, дом 12, корпус 2, квартира 7. И короткая фраза внизу, написанная тем же почерком, что и на фотографии.

«Ты ищешь меня. Я здесь».

Игорь сжал бумагу в кулаке. Он стоял в пустой квартире, сжимая листок с его собственным адресом, и чувствовал, как внутри закипает холодная волна. Кто-то знал, что он придёт сюда. Кто-то оставил это для него. Кто-то хотел, чтобы он знал: он не случайно нашёл эту квартиру. Его вели.

Он ещё раз обошёл комнаты. Всё было пусто. Но когда он вернулся в прихожую, он заметил что-то на полу — маленький, почти незаметный клочок бумаги, прижатый к стене старым плинтусом. Игорь нагнулся, поднял его. Это была фотография. Маленькая, потёртая, с обрванными краями. На ней был он сам. Он стоял на крыльце своего дома, смотрел в камеру, и на его лице была улыбка. Он не помнил, когда это было. Фотография была старой — на ней он был моложе, без седины, без мешков под глазами. Но она была здесь. В квартире Антона.

Он перевернул фото. На обороте — надпись. Те же печатные буквы, чёрная ручка.

«Я слежу за тобой. Ты не знаешь, как долго».

Игорь сжал фотографию в руке, чувствуя, как внутри него закипает холодная ярость. Он не знал, как долго за ним следят. Не знал, кто это делает. Но он знал: это не случайность. Это игра. И он в ней — пешка.

Он убрал фотографию в карман, вышел из квартиры, закрыл за собой дверь. Спустился вниз, вышел во двор. Снег всё падал, залепляя следы, стирая их с лица земли. Он стоял у подъезда, сжимая в кармане паспорт Антона и старую фотографию, и не знал, что делать дальше.

И тут он увидел его. Мужчина стоял у того же подъезда, из которого только что вышел Игорь. Он не был в капюшоне — он стоял открыто, с непокрытой головой, и смотрел прямо на Игоря. Ему было лет пятьдесят, лицо изрезано морщинами, на голове — седая щетина. Он был одет в старое, не по сезону пальто, и его руки были спрятаны в карманы. Он не двигался. Просто стоял и смотрел.

Игорь подошёл к нему. Мужчина не отступил.

— Кто ты? — спросил Игорь.

Мужчина молчал. Потом его губы дрогнули в лёгкой, почти незаметной улыбке.

— Ты нашёл квартиру, — сказал он. Голос был низким, хриплым, с металлической ноткой. — Хорошо. Я знал, что ты найдёшь её.

— Кто ты? — повторил Игорь.

— Я тот, кто знает правду, — ответил мужчина. — Но я не скажу тебе её. Ты должен найти её сам. Он не позволил мне говорить.

— Он? Антон?

Мужчина усмехнулся.

— Он будет ждать тебя. Ты должен прийти к нему. Сам. И тогда ты узнаешь всё.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Игорь хотел догнать его, но ноги не слушались. Он стоял, сжимая кулаки, и смотрел, как фигура исчезает в метели.

Он вернулся к машине. Снег всё падал, залепляя стёкла. Он сел за руль, завёл двигатель. Паспорт Антона лежал на пассажирском сиденье. Фотография — в его кармане. Он знал: он должен вернуться домой. Должен найти ответы. Должен понять, кто такой Антон Карасёв и почему он жив, хотя все говорят, что он мёртв.

Он выехал со двора, оставляя за спиной пустую квартиру, пустой двор и пустоту.

Дорога домой заняла полчаса. Снег валил, дворники едва справлялись, видимость была почти нулевая. Игорь вёл машину механически, почти не глядя на дорогу, перебирая в голове то, что видел.

Пустая квартира. Та же, что и у него. Тот же адрес. Тот же номер.

Кто жил там? Антон? Или кто-то другой? И почему женщина в той квартире, куда он пришёл, сказала, что Антон — её муж? Или не муж? Он не понял. Она не дала ему договорить.

Игорь въехал во двор, оставил машину, поднялся в квартиру. Замок на двери был открыт — он забыл закрыть его. Да и не было смысла. Всё равно сломан.

Он зашёл внутрь, снял куртку, повесил на вешалку.

И замер.

В прихожей, прямо у входа, на полу лежала женская сумочка.

Чёрная, кожаная, с потёртыми углами и длинным ремешком. Она не лежала здесь раньше. Он бы заметил. Он вышел из дома полтора часа назад, и её не было.

Игорь смотрел на неё, не двигаясь. Сердце стучало где-то в горле. Он шагнул вперёд, наклонился, поднял сумочку. Она была тяжёлой — внутри что-то было.

Он открыл застёжку, заглянул внутрь.

В сумочке лежала книга. Небольшая, в тёмно-коричневой кожаной обложке, с потёртыми углами и металлической застёжкой. Сбоку болтался маленький ключик — на шнурке, с брелоком в виде сердечка.

Игорь узнал эту книгу. Он не мог не узнать.

Это был дневник Анастасии.

Он сел прямо на пол в прихожей, прислонившись спиной к стене, и открыл дневник. Руки дрожали. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком — тем самым, который он узнал на фотографии. Её почерк. Её слова. Запах старой бумаги, смешанный с запахом её духов, — он ещё помнил этот запах. Он вьелся в страницы, как вьедался в её одежду, в её волосы, в его память.

Он перелистнул несколько страниц, нашёл начало.

Первая запись была датирована 2017 годом, ноябрь.

«Я не знаю, с чего начать. Но я должна записать это, пока не сошла с ума. Игорь снова пил. Сегодня он разбил тарелку — прямо о стену, в двух сантиметрах от моей головы. Он сказал, что я ничего не понимаю, что я не умею слушать, что я его не люблю. Артём плакал. Он такой маленький, он всего этого не понимает. Но я понимаю. Он становится всё страшнее. Я боюсь оставаться с ним одна».

Игорь перевернул страницу. Руки тряслись сильнее. Он не помнил этого. Или помнил, но не так. Он помнил, что ссорился с Анастасией, но не так же — не бил тарелок, не кричал, не пугал её. Или он просто не помнил?

«Он ударил меня сегодня. В первый раз. Не сильно — пощёчина. Но я чувствую, что это не последний раз. Артём видел. Он спросил меня, почему папа сердитый. Я не знала, что ответить. Я хочу уйти. Но куда? У меня нет денег, нет работы, нет никого, кроме мамы. Но мама тоже боится его. Он звонит ей, говорит, что я сбегая, что я ненормальная, что я вру. И мама верит ему».

Игорь закрыл дневник. Он не мог читать дальше. Голова кружилась, в ушах звенело. Он знал, что пил. Знал, что иногда злился. Но чтобы бить её? Чтобы пугать? Он не помнил. Он не помнил ничего из того, что было напечатано.

Он открыл книгу дальше, перелистнул через несколько страниц.

Запись от января 2018 года.

«Я встретила Антона. Он таксист, подвёз меня до дома, когда я уезжала от Игоря после очередной ссоры. Я плакала в машине. Он молчал, потом сказал: „Всё будет хорошо“. Я не знаю, почему я поверила ему. Он дал мне номер телефона. Сказал: „Если что — звони“. Я позвонила. Мы встретились. Он выслушал меня. Он не злился, не кричал, не говорил, что я всё выдумала. Он просто сидел и слушал. Я поняла, что хочу быть с ним. Я хочу уйти от Игоря. Антон сказал, что поможет мне. Что он знает, как это сделать. Я верю ему».

Игорь закрыл дневник, прислонил его к груди. В груди было пусто. И больно. И страшно.

Он не помнил Антона. Не помнил, чтобы Анастасия встречалась с кем-то. Не помнил, чтобы она говорила о разводе.

Или помнил, но не хотел.

Он открыл дневник на последней прочитанной странице, перевернул ещё раз.

Запись, последняя, которую он мог прочитать без слёз.

«Он обещал, что мы уедем. Мы с Артёмом. Он сказал, что всё организует. Что мы будем жить в другом городе, под другой фамилией. Я согласилась. Я боюсь Игоря. Я боюсь, что он найдёт нас. Но Антон сказал, что я в безопасности. Я верю ему. Если я не смогу уйти — он убьёт меня. Я знаю это. Или я убью себя. Я не могу больше».

Игорь закрыл дневник. Слёз не было — только пустота. Он сидел на полу в прихожей, сжимая в руках книгу, в которой его жена писала о том, как она боится его. Как он бьёт её. Как она хочет сбежать.

И он не помнил ни одного из этих дней. Ни одного удара. Ни одной пощёчины. Только ссоры. Только крики. Но не это.

Он не знал, что из этого правда.

Он взял телефон, набрал номер Галины. Та ответила почти сразу — короткий гудок, потом сброс. Он набрал снова. Снова сброс. Написал сообщение: «Я должен поговорить с тобой. Очень важно. Дневник Анастасии. Я его нашёл».

Ответа не было.

Игорь положил телефон рядом с собой на пол. Посмотрел на дневник. Открыл его на той странице, где закладка. Тонкая, почти прозрачная — старый билет на трамвай. Он развернул его.

На обратной стороне был адрес. Написанный рукой Анастасии.

Автомастерская «Колесо». Улица Судостроительная, 14. 10 марта 2019 года.

Дата была отмечена жирной чёрной ручкой, обведена в кружок. Игорь смотрел на неё, пытаюсь вспомнить, что было в тот день.

Десятое марта. 2019 год. За два дня до её смерти.

Он не помнил. Он не помнил ничего из тех дней. Всё было как в тумане — неделя после её смерти прошла как один длинный, тягучий сон, из которого он не мог проснуться.

Игорь взял дневник, перелистал страницы до марта. И нашёл.

«10 марта. Я поехала в мастерскую. Антон сказал, что надо проверить машину. Он сказал, что это важно. Я не знаю, зачем. Но я сделаю всё, что он скажет. Я доверяю ему. Он сказал, что если я всё сделаю правильно, мы уедем через два дня. Я верю ему. Я хочу уехать. Я хочу быть свободной».

Игорь закрыл дневник. Сжал его в руках так, что побелели костяшки.

В дневнике была закладка. Она указывала на автомастерскую. Дату — 10 марта 2019 года. За два дня до смерти.

Он не знал, что там произошло. Но он знал, что должен поехать туда.

Игорь поднялся с пола. Сумочка всё ещё лежала на его коленях. Он заглянул в неё ещё раз — на случай, если там было что-то ещё.

На дне лежал паспорт.

Он вытащил его. Тёмно-бордовая обложка, золотое тиснение. Открыл.

Анастасия Сергеевна Шувалова.

Игорь смотрел на страницу с пропиской. Адрес — тот же. Его адрес. Дата выдачи — 2025 год.

Она умерла в 2019. Пять лет назад.

Игорь поднёс паспорт к лицу, рассматривал каждую страницу. Бумага была плотной, свежей, не потёртой. Фотография — чёткая, цветная, без выцветания. Печать — яркая, ровная. Не подделка. Похоже на настоящий документ.

Но этого не могло быть. Не могло.

Она была мертва пять лет. Её паспорт должен был быть аннулирован, сдан, уничтожен. Но он лежал у него в руках — свежий, как будто только что вышел из паспортного стола.

Игорь перевернул паспорт. На задней обложке был наклеен стикер — маленький, синий, с номером телефона.

Он не узнавал этот номер.

Он набрал его на телефоне. Гудок. Длинный, тягучий. Потом сброс.

Игорь снова набрал.

Трубку взяли.

— Алло? — голос был женским, низким, хриплым. Он не узнал его.

— Кто это? — спросил Игорь.

Молчание. Потом короткий смешок.

— Ты не должен был этого видеть, Игорь.

Трубка сбросилась.

Игорь стоял в прихожей, сжимая в руках паспорт мёртвой женщины и дневник, в котором она писала, как боится его. Рядом с ним на полу лежала её сумочка — та самая, которую он не видел никогда. Или видел, но забыл.

Он не знал, что из этого было правдой. Но он знал: кто-то играет с ним. И этот кто-то знает, где он живёт. Знает, когда он выходит. Знает, как подбросить ему вещи, которые должны были исчезнуть навсегда.

Игорь сжал паспорт. Посмотрел на дневник. Потом на дверь.

Он должен был поехать в автомастерскую.

И он поехал.

Глава 4

Автомастерская «Колесо» находилась на окраине, в промзоне за железнодорожной веткой. Игорь ехал туда почти час — снег валил, дороги не чистили, машина буксовала на каждом подъёме. Он не заметил, как проколотое колесо почти спустило, не заметил, как замёрзли руки — он сжимал руль и смотрел вперёд, на белое полотно, и в голове у него крутилось одно имя.

Антон.

И адрес. Судостроительная, 14.

Промзона встретила его тишиной. Ржавые заборы, пустые ангары, следы шин на снегу, которые вели в никуда. Среди этого запустения гараж «Колесо» выглядел как всё остальное — длинное металлическое здание с облупившейся вывеской, на которой едва читалось название. Ворота были приоткрыты, изнутри доносился запах машинного масла и солярки. Игорь заглушил двигатель, вышел. Снег скрипел под ногами, ветер завывал в трубах, срывая позёмку с крыш.

Внутри было сумрачно, горела только одна лампа под потолком. В центре стояла старая «Лада» на домкрате, рядом — верстак, заваленный инструментами. Из-под машины доносилось кряхтение.

— Есть кто? — спросил Игорь.

Кряхтение прекратилось. Из-под машины выкатилась тележка, на которой лежал человек в засаленном комбинезоне. Лет пятидесяти пяти, с широким лицом, густыми усами и уставшими глазами. Он вытер руки о ветошь, поднялся.

— Кто такой?

— Игорь Шувалов. — Он вытащил из кармана фотографию Анастасии — ту самую, из паспорта. — Вы помните эту женщину?

Механик взял фото, поднёс к лампе, прищурился. Смотрел долго — слишком долго. Потом вернул.

— Помню. — Голос его стал тише. — Машина её. Приезжала сюда пять лет назад. «Форд Фокус», красный. Тормозные шланги перерезаны.

Игорь почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Перерезаны? Кем?

— Я сказал ей, что это не просто так. Кто-то сделал это нарочно. Перерезал шланги острым ножом, ровно, аккуратно. Она не поняла сначала. Сказала: «Может, грызуны?» Я сказал — нет. Грызуны так не грызут. Она побледнела. Я сказал, что это опасно, что если бы она поехала на такой машине — тормоза бы отказали на первой же скорости. Она спросила: «Можно починить?» Я сказал — можно. Она заплатила, уехала. Больше я её не видел.

Игорь сжал кулаки. В груди стучало.

— Вы сказали ей, что это сделали нарочно. И она не удивилась?

— Нет. Она сказала: «Я знаю, кто». Я спросил — кто. Она не ответила. Сказала: «Я разберусь». Уехала.

Игорь смотрел на механика. В голове крутилась одна мысль — та, которую он не хотел формулировать, но которая лезла сама.

— Она сказала, кто это сделал?

Механик покачал головой.

— Нет. Но я знаю, что она боялась. Она дрожала, когда говорила. И смотрела по сторонам, как будто за ней следили.

— Как её звали?

— Анастасия. Она назвалась Анастасией. Я запомнил, потому что она была красивая, но глаза — как у загнанного зверя.

Игорь стоял в гараже, сжимая фотографию в руке. Он смотрел на механика, который смотрел на него с сочувствием — или с подозрением.

— Спасибо, — сказал он. — Вы мне очень помогли.

Он повернулся и вышел из гаража.

Снег валил стеной, видимость была почти нулевой. Игорь стоял у машины, смотрел на свои руки — они дрожали. Он не знал, что делать дальше. Идти домой? Звонить в полицию? Он не знал, кто такая Ольга, кто такой Антон, кто оставил дневник и паспорт в его прихожей.

Он поднял голову, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

И тут услышал свист.

Он не понял, что это было, — только инстинктивно пригнулся. Что-то пронеслось у самого уха, обжигая кожу. Раздался грохот — пуля врезалась в бетонную стену гаража в сантиметре от того места, где стояла его голова.

Игорь упал на снег, перекатился, прижался к машине. Сердце колотилось, в ушах звенело. Он выглянул из-за капота.

Вдалеке, у выезда из промзоны, стоял мужчина. Фигура в тонком пальто — чёрном, длинном, почти до колен. На голове не было шапки, снег падал на голые волосы. Он держал в руке пистолет — или что-то, что могло им быть. И смотрел прямо на Игоря.

Игорь не видел лица. Только силуэт. Но он узнал его. Тот же силуэт. Те же пропорции. Тот же человек, который был в его квартире.

Он вскочил на ноги и побежал.

— Стой! — крикнул он. — Стой, я хочу поговорить с тобой!

Фигура развернулась и побежала. Игорь бежал за ней, проваливаясь в сугробы, скользя на льду. Снег лепил в глаза, холодный воздух рвал лёгкие.

Он бежал к повороту, за которым фигура скрылась. Добежал, свернул — и остановился.

Переулок. Пустой. Только снег, падающий на асфальт, и следы, которые уже почти занесло. Ни души.

Игорь стоял, тяжело дыша, и смотрел на пустой переулок. В руках дрожь, в груди боль. Он не знал, что делать. Не знал, куда бежать.

Он развернулся и побежал обратно в гараж.

Внутри было тихо. Слишком тихо.

Игорь вошёл в гараж, остановился. В нос ударил запах — сладкий, металлический, с примесью солянки. Он поднял глаза.

Механик лежал на полу у верстака. Глаза были открыты, на лице — застывшее удивление. В центре лба — маленькая, аккуратная дырочка, из которой на пол вытекала тонкая струйка крови. Она ещё не застыла.

Игорь опустился на колени рядом с ним. Потрогал шею — пульса не было. Тёплая кожа, ещё не остывшая. Только что. Убили только что.

Он поднял глаза. На стене за верстаком кто-то написал — кровью, ещё свежей, ещё жидкой, стекающей по штукатурке.

«ТЫ СЛЕДУЮЩИЙ».

Игорь поднялся, шагнул назад, врезался спиной в верстак. Инструменты звонко упали на пол. Он не слышал этого — в ушах звенело, в голове всё плыло.

Он смотрел на тело, на кровь, на надпись на стене. И знал: это его вина. Он пришёл сюда, он спросил о тормозных шлангах, он привёл за собой убийцу.

Игорь схватился за край верстака, чтобы не упасть. Руки дрожали, колени подкашивались. Он перевёл дыхание, заставил себя думать. Смотреть. Видеть.

Он пришёл сюда не просто так. Он искал ответы. И он нашёл их — или часть.

Игорь огляделся. На верстаке, среди разбросанных инструментов, лежал сотовый телефон. Старый, кнопочный, с потёртым корпусом. Он взял его, повертел в руках.

На экране горела иконка аудиозаписи. Одна. С датой — 10 марта 2019 года.

Игорь нажал на воспроизведение.

Сначала шум — запись была плохого качества, слышно было только дыхание и какой-то гул. Потом голос. Женский. Тонкий, испуганный.

— Я знаю, что ты сделал. — Это была Анастасия. Игорь узнал её голос сразу — даже спустя пять лет. — Ты перерезал тормозные шланги. Я видела, как ты это делал. Ты думал, что я не узнаю? Я знаю, что это был ты. Я не могу... я не могу больше. Ты меня не остановишь. Я расскажу всё. Игорю. Или в полицию. Я не боюсь тебя. Я боюсь, что ты сделаешь с Артёмом. Но я всё равно скажу.

Пауза. Шум. Потом женский голос — тише, почти шёпот:

— Я боюсь тебя, Антон. Но я не могу молчать. Прости меня.

Запись оборвалась.

Игорь стоял, сжимая телефон мёртвого механика, и слушал голос жены. Голос, который он не слышал пять лет. Голос, который говорил, что она боится Антона. Что Антон перерезал тормозные шланги. Что Антон хотел её убить.

Он поднял глаза на тело, на кровь, на надпись на стене.

И знал: это только начало.

Он набрал номер полиции. Дрожащими пальцами. Сказал адрес, сказал, что в гараже убит механик. Сказал, что он сам был здесь, что он не убивал, что он свидетель.

Положил трубку. Посмотрел на телефон в руке. Включил запись снова. Перемотал на начало.

Анастасия. Её голос. Её слова.

«Ты перерезал тормозные шланги».

Игорь выключил запись, убрал телефон в карман. Он знал: это единственная улика, которая у него есть. И он не отдаст её никому.

Он вышел из гаража, сел в машину. Снег валил, залепляя стёкла. Он сидел за рулём, сжимая телефон мёртвого механика в кармане, и думал о том, что будет дальше.

Кто-то убил механика, чтобы он не мог рассказать правду.

И тот же кто-то — Антон — перерезал тормозные шланги.

И тот же кто-то был в его квартире вчера. Пил чай. Смотрел на фотографию.

Игорь завёл двигатель. Выехал из промзоны, не глядя в зеркала.

Он знал: он везёт улику, которая может всё изменить.

И он знал: кто-то готов убить, чтобы её не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.